

Финансы и управление*Правильная ссылка на статью:*

Кибальченко А.С., Орешкина Ю.Ю., Хабиб М.Д. Структурные сдвиги и адаптационный потенциал регионов России в условиях внешних шоков // Финансы и управление. 2025. № 4. DOI: 10.25136/2409-7802.2025.4.76827
EDN: VLOSEK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76827

Структурные сдвиги и адаптационный потенциал регионов России в условиях внешних шоков

Кибальченко Анастасия Сергеевна

ORCID: 0009-0004-5706-6067

бакалавр; кафедра Экономической политики и экономических измерений; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления»

109542, Россия, г. Москва, Рязанский пр-кт, д. 99

✉ n.kibalchenko@yandex.ru

Орешкина Юлия Юрьевна

ORCID: 0009-0007-8004-0721

бакалавр; кафедра Экономической политики и экономических измерений; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный университет управления»

109542, Россия, г. Москва, Рязанский пр-кт, д. 99 к. 1

✉ orex.0809@mail.ru

Хабиб Марина Далхатовна

ORCID: 0000-0001-8876-0300

кандидат экономических наук

доцент; кафедра Статистики; Государственный университет управления

109542, Россия, г. Москва, Рязанский пр-кт, д. 99

✉ marina-khabib@mail.ru

[Статья из рубрики "Региональная экономика"](#)

DOI:

10.25136/2409-7802.2025.4.76827

EDN:

VLOSEK

Дата направления статьи в редакцию:

17-11-2025

Аннотация: Предметом исследования являются структурные сдвиги и адаптационный потенциал региональных экономик России в период 2018–2023 годов. Объектом исследования выступили двенадцать представительных субъектов РФ, представляющих различные экономические модели. Авторы подробно рассматривают такие аспекты темы, как изменение отраслевой специализации регионов под влиянием внешних шоков, включая пандемию COVID-19 и санкционное давление. Особое внимание уделяется анализу динамики экономической концентрации в региональном разрезе и выявлению успешных стратегий адаптации. Исследователи описывают процессы диверсификации экономики в одних регионах, усиления сырьевой зависимости в других. Детально анализируются случаи рискованной гиперспециализации и структурной стагнации. В работе представлена оригинальная типология регионов по характеру структурных преобразований, позволяющая прогнозировать их устойчивость к внешним вызовам. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций для дифференцированной региональной политики, направленной на повышение адаптационного потенциала экономик субъектов РФ в условиях нестабильности. В качестве методологической основы применялся расчет индекса Херфиндаля-Хиршмана (НHI) как ключевого инструмента оценки уровня диверсификации региональных экономик. В работе проанализированы различные подходы к измерению экономической концентрации и обоснован выбор НHI для мониторинга структурных преобразований. Результаты выявили четыре типа адаптационных траекторий. Первая группа демонстрирует успешную диверсификацию со снижением НHI на 33,4–53,2% благодаря перераспределению ресурсов в обрабатывающую промышленность и IT-сектор. Вторая группа характеризуется структурной стагнацией с гиперконцентрацией на добывающем секторе. Третья группа показывает умеренную трансформацию, тогда как четвертая – рискованную гиперспециализацию с ростом НHI до 146,2%. Для каждой группы определены ключевые факторы, способствовавшие выбранной траектории развития, включая инвестиционную активность, государственную поддержку и институциональные условия. Научная новизна заключается в разработке комплексной типологии регионов по характеру структурных сдвигов. Практическая значимость состоит в создании основы для дифференцированной региональной политики, направленной на повышение устойчивости к внешним вызовам через адресное стимулирование диверсификации. Выводы позволяют оценить эффективность адаптационных стратегий и сформулировать рекомендации для органов государственной власти по развитию конкурентоспособности региональных экономик в условиях нестабильности.

Ключевые слова:

региональная экономика, структурные сдвиги, концентрация экономических субъектов, индекс Херфиндаля-Хиршмана, адаптация к шокам, диверсификация, экономическое развитие, экономическая стабильность, неоднородность развития, отраслевая структура

Введение

Начиная с 2020 года, российская экономика столкнулась с чередой беспрецедентных вызовов. Пандемия COVID-19, за ней – фундаментальное изменение геополитической конъюнктуры и введение масштабных санкций в 2022 году – создали условия своеобразного «стресс-теста» для экономик субъектов Российской Федерации. Согласно

макроэкономическому прогнозу, эти события создали модель "высоких рисков и низких темпов роста", определяющую развитие России на среднесрочную перспективу [1]. Они не просто вызвали временные колебания, но и запустили глубинные процессы структурной перестройки, выявив сильные и слабые стороны различных региональных моделей. Как отмечают зарубежные деятели, исследующие влияние кризисов на российскую экономику, наиболее заметны изменения в сельском хозяйстве. В своей работе они пишут о том, что во время пандемии доходы фермеров упали на 5%, а после повышенного санкционного давления - выросли на 4%. Это доказывает, что разные отрасли по-разному реагируют на кризисы - одни страдают, другие наоборот развиваются [2]. Аналогичную неоднородность адаптации демонстрируют и другие исследования, в том числе отечественных исследователей: из 85 региональных экономик 55 оказались относительно устойчивы к санкционному шоку 2022-2023 гг., причем более резильентными были регионы с диверсифицированной внешней торговлей и сложной структурой хозяйства [3]. Актуальность исследования подтверждается и более поздними работами, где на детальном отраслевом анализе показано, что санкции и сопутствующие шоки 2022-2023 годов привели к глубоко дифференцированным последствиям: от стагнации в сырьевых и экспортно-ориентированных обрабатывающих регионах до быстрого роста в регионах с высокой долей ВПК и импортозамещающих производств [4].

Традиционный макроэкономический анализ на национальном уровне зачастую не улавливает эту разнонаправленную динамику. Устойчивость или уязвимость экономики страны в кризис определяется не усредненными показателями, а способностью к адаптации ее ключевых регионов. В этой связи особую ценность приобретает сравнительный анализ на субнациональном уровне, позволяющий выявить, какие стратегии развития оказались наиболее жизнеспособными. Теоретической основой для понимания разнонаправленности воздействия шоков служат разработки в области региональной экономики, объясняющие дифференциацию последствий через призму экономической структуры регионов [5].

Эмпирической базой исследования послужили официальные статистические данные Росстата об отраслевой структуре валовой добавленной стоимости субъектов Российской Федерации для анализа концентрированности их рынков, а также информация о деятельности ключевых предприятий, полученная из публичных годовых отчетов и новостей. Дальнейшее исследование производилось по двенадцати субъектам, в которых были выявлены необычные закономерности концентрации рынков в разные годы, результаты которых стали научно целесообразным объектом для изучения. Важно отметить, что отобранные для анализа регионы представляют различные типы экономических моделей — от глобального мегаполиса с постиндустриальной структурой (Москва) и промышленных центров с диверсифицированной обрабатывающей промышленностью (Омская область) до регионов с выраженной сырьевой специализацией (нефтегазовые автономные округа) и аграрной направленностью (Республика Калмыкия). Результаты проведенного анализа позволяют выделить четыре группы регионов с принципиально разными траекториями развития в новых условиях (Группа 1 – субъекты РФ с устойчивой экономикой и признаками структурного сдвига, Группа 2 – субъекты РФ с умеренной концентрацией и стабильной экономикой, Группа 3 – субъекты РФ с умеренной динамикой концентрации, Группа 4 – субъекты РФ с резким увеличением концентрации экономики) и сформулировать гипотезы о долгосрочных последствиях наблюдаемых сдвигов.

В группу регионов с устойчивой экономикой вошли Москва, Омская область и

Республика Калмыкия, продемонстрировавшие значительное снижение индекса ННІ (на 33,4%, 42,8% и 53,2% соответственно) за счет качественной структурной перестройки. Субъекты РФ с умеренной концентрацией (нефтегазовые автономные округа) сохранили структурную стагнацию с экстремально высокой зависимостью от добывающего сектора (69,4–83,7% в структуре ВРП). Группу с умеренной динамикой концентрации составили Мурманская область, Кабардино-Балкарская Республика и Приморский край, показавшие разнонаправленные тенденции специализации. Регионы с резким увеличением концентрации (Санкт-Петербург, Ивановская область, Камчатский край) продемонстрировали риски гиперспециализации с ростом ННІ от 33,1% до 146,3%.

Актуальность и проблема исследования обусловлена необходимостью оценки устойчивости различных моделей региональной экономики к глобальным потрясениям, выявления успешных стратегий адаптации, которые могут быть применены в других регионах, а также понимания глубинных структурных сдвигов, которые не всегда очевидны при анализе агрегированных макроэкономических показателей по стране в целом.

Предметом статьи является анализ структурных изменений и адаптационного потенциала регионов России под влиянием внешних шоков (2018–2023 гг.) на основе оценки динамики их экономической концентрации с использованием индекса Херфиндаля–Хиршмана.

Была выдвинута гипотеза: в процессе исследования будут обнаружены неоднородные и разнонаправленные воздействия глобальных шоков на экономики субъектов Российской Федерации.

Целью данной статьи является анализ и разработка стратегий адаптации экономик субъектов Российской Федерации к внешним шокам в период 2018–2023 годов на основе оценки динамики уровня их экономической концентрации (индекс ННІ) и отраслевых структурных сдвигов.

Гипотезы о долгосрочных последствиях структурных сдвигов: регионы Группы 1 обладают наибольшим потенциалом устойчивого развития; Группа 2 сохраняет уязвимость к сырьевым шокам; траектории Групп 3 и 4 содержат риски усиления структурных диспропорций, требующие активной региональной политики по диверсификации экономики.

Задачи исследования:

1. Сгруппировать субъекты РФ по уровню экономической концентрации (на основе индекса ННІ) и отраслевой группы специализации за период 2018–2023 гг.
2. Проанализировать динамику вклада ключевых отраслей (добывающая, обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, торговля) в ВРП каждого региона и соотнести её с внешними событиями.
3. Выявить и интерпретировать аномалии в данных, когда динамика вклада отрасли в ВРП резко изменяется.
4. Оценить эффективность адаптационных стратегий регионов и сформулировать риски и потенциал для каждой выделенной группы.

Научная новизна исследования заключается в разработке оригинальной типологии региональных экономик России на основе комплексного анализа динамики индекса

Херфендаля-Хиршмана и отраслевых сдвигов в период внешних шоков (2018-2023 гг.). Эмпирически подтверждена гипотеза о неоднородном воздействии глобальных шоков на регионы с различной исходной специализацией, при этом установлено, что нефтегазовые регионы демонстрируют структурную стагнацию несмотря на финансовую стабильность, тогда как аграрные регионы при целенаправленной политике способны к глубокой диверсификации. Выявлены разнонаправленные процессы в мегаполисах: в Москве зафиксирована постиндустриальная трансформация со снижением ННП на 33,4% за счет перераспределения ресурсов в IT-сектор, тогда как Санкт-Петербург демонстрирует симптомы "голландской болезни" с ростом ННП на 146,2% вследствие усиленного развития торгового сектора. Практическая значимость исследования заключается в создании инструментария для прогнозирования долгосрочных последствий структурных сдвигов и разработки дифференцированной региональной политики, учитывающей специфику адаптационного потенциала каждого типа регионов.

1. Методологические основы исследования региональной экономической устойчивости в условиях внешних шоков

В рамках нашего исследования, посвященного структурной трансформации экономик субъектов РФ в условиях внешних шоков в период с 2018 по 2023 годы, ключевой методологической задачей являлся выбор наиболее подходящего инструмента для оценки диверсификации региональных экономик. Для этого мы изучили подходы к анализу индексов концентрации, представленный в работе отечественных исследователей. Так, в своем методологическом обзоре мы учитывали идеи, изложенные в статье Драпкина И. М., Мариева О. С., Семеновой Е. О. и Колягиной А. И., где авторы проводят сравнительный анализ различных показателей [6].

Мы рассмотрели коэффициент Джини, который является классическим измерителем неравенства. Его наглядность, связанная с построением кривой Лоренца, позволяет визуализировать отклонение от идеального равномерного распределения. Однако применительно к задаче анализа отраслевой структуры множества регионов его агрегированный характер может скрывать важные нюансы.

Также был проанализирован индекс Тейла, который позволяет разложить общее неравенство на составляющие – например, на неравенство между федеральными округами и внутри них. Это инструмент для многоуровневого анализа, однако для нашей цели – отслеживания динамики именно общей концентрации экономической активности внутри каждого отдельного региона в разрезе отраслей – его сложность и ориентированность на межгрупповые сравнения были бы избыточными.

Особое внимание было уделено индексу Элисона-Глэйзера, который справедливо считается одним из наиболее совершенных для измерения концентрации. Его ключевое преимущество – учет размера предприятий и корректировка на случайное распределение, что позволяет более точно измерить силу агломерационных эффектов. Однако для исследования 85 субъектов РФ за 6-летний период его расчет сопряжен со значительными практическими сложностями, связанными с необходимостью получения детализированных данных по каждому предприятию в разрезе регионов, что зачастую является недоступным.

Выбор индекса Херфендаля-Хиршмана для анализа структурной трансформации экономик субъектов РФ в период 2018-2023 гг. обусловлен его способностью точно отражать изменения в рыночной структуре. В отличие от других показателей, этот индекс учитывает не только количество компаний на рынке, но и распределение их долей, что

особенно важно в условиях внешних шоков, когда происходит быстрое перераспределение рынка между участниками. Этот подход позволяет выявить проблемы развития конкуренции внутри рынков, которая, наряду с параллельным импортом и распределением национального дохода, является одной из ключевых проблем российской экономики в этот период [7].

Четкие критерии оценки (низкая, умеренная, высокая концентрация) делают результаты наглядными. Кроме того, индекс широко применяется в экономических исследованиях для анализа последствий слияний и поглощений, что особенно актуально в период структурных изменений экономики. Все это делает ННІ наиболее подходящим инструментом для изучения трансформации региональных экономик в условиях внешних шоков.

Период 2018–2023 годов стал для России временем последовательных внешних шоков: пандемия COVID-19, беспрецедентное санкционное давление с 2022 года, кардинальная перестройка логистических и производственных цепочек. Эти вызовы оказали неоднородное влияние на субъекты Российской Федерации, чья экономическая структура изначально сильно различалась. В работах отечественных исследователей отмечено, что наибольшую устойчивость продемонстрировали регионы с развитой обрабатывающей промышленностью, получившие государственные заказы. В более уязвимом положении оказались сырьевые и приграничные регионы, оказавшиеся в стороне от новых торговых маршрутов. Важно отметить усиление роли государства в экономике — расширение госзаказа, увеличение субсидий и прямой поддержки системообразующих отраслей [8]. Зарубежные экономисты отмечают, что введение ограничительных мер (санкций) создает барьеры для интеграции российских компаний в глобальные цепочки создания стоимости [9]. Таким образом, на фоне описанных разнородных эффектов внешних шоков для разных типов регионов возникает исследовательский вопрос о необходимости их количественной оценки и системного анализа.

Как указывалось ранее, ключевым индикатором, позволившим оценить структурные изменения в экономиках российских регионов, выступил индекс Херфендаля-Хиршмана (ННІ). Расчет его динамики за 2018–2023 годы на основе данных о вкладе основных отраслей в валовой региональный продукт (ВРП) выявил существенную дифференциацию траекторий развития субъектов Федерации (см. таб. 1). Методологической основой оценки структурных сдвигов в региональных экономиках послужил репрезентативный набор видов экономической деятельности, соответствующих ключевым разделам ОКВЭД: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство (А); добыча полезных ископаемых (В); обрабатывающие производства (С); обеспечение электрической энергией, газом и паром (Д); торговля оптовая и розничная (Г); транспортировка и хранение (Н); деятельность в области информации и связи (Ј); финансовая деятельность и страхование (К). Выбор данных отраслей был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, они охватывают все ключевые сегменты экономики — от сырьевого и промышленного до аграрного, инфраструктурного и сервисного, что обеспечивает репрезентативность анализа. Во-вторых, доступность ретроспективных данных Росстата за период 2018–2023 гг. гарантирует сопоставимость показателей как между регионами, так и в динамике. В-третьих, данный отраслевой набор позволяет комплексно оценивать уровень диверсификации через расчет индекса Херфендаля-Хиршмана и выявлять структурные трансформации. Основные данные для расчета ННІ были взяты из официальных публикаций Росстата о валовом региональном продукте субъектов РФ, что обеспечивает сопоставимость и надежность анализа. Таким образом, анализ значений ННІ по приведенным данным не только позволяет классифицировать регионы по уровню

концентрации экономической деятельности, но и служит точкой отсчета для содержательной интерпретации глубинных процессов адаптации к внешним шокам.

Для анализа были отобраны наиболее показательные случаи структурных трансформаций региональных экономик, к критериям которых мы отнесли не только абсолютное изменение ранга, но и поведение различных моделей экономики в ответ на шоки. Первая группа объединила регионы с максимальным улучшением показателя диверсификации. Республика Калмыкия была включена как эталонный пример успешной структурной перестройки аграрной экономики через создание новых промышленных кластеров. Омская область представляет модель плавной трансформации индустриального региона с сохранением важной роли промышленности. Город Москва демонстрирует уникальный сценарий постиндустриальной модернизации в условиях уже достигнутой высокой диверсификации. Вторая группа сфокусирована на регионах с устойчивой гиперспециализацией. Нефтегазовые автономные округа (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий) были отобраны как уникальные примеры региональной экономики, демонстрирующие пределы диверсификации в условиях ресурсной зависимости. Третья группа включает регионы с умеренным увеличением концентрации экономики. Мурманская область и Кабардино-Балкарская Республика представляют различные модели нарастания концентрации — через реиндустриализацию и усиление аграрной специализации соответственно. Приморский край демонстрирует уникальный случай транспортно-логистической специализации. Четвертая группа сконцентрирована на регионах с резким уменьшением диверсификации. Город Санкт-Петербург представляет научный интерес как пример "голландской болезни" в мегаполисе. Ивановская область иллюстрирует модель реиндустриализации традиционного промышленного профиля, а Камчатский край — сценарий сырьево-аграрной реконцентрации.

Научная значимость выборки обусловлена ее способностью репрезентировать весь спектр структурных изменений российской экономики. Результаты первичного расчета и группировки регионов по динамике индекса ННІ представлены в Таблице 1. Каждый из отобранных регионов представляет уникальную ситуацию для изучения специфических механизмов структурных изменений, что позволяет не только диагностировать текущие тенденции, но и прогнозировать будущие траектории развития региональных экономик в условиях новых геоэкономических вызовов.

Таблица 1. Динамика ННІ субъектов РФ, в которых замечена закономерность концентрации рынка

Субъект РФ	ННІ		ΔННІ (%)	Ранг		Δ ранга
	2018	2023		2018	2023	
Группа 1. Существенное улучшение (снижение концентрации)						
Республика Калмыкия	1167,04	545,95	-53,2	29	72	-43
Омская область	1340,3	766,82	-42,8	23	58	-35
г. Москва	1042,24	694,04	-33,4	37	64	-27
Группа 2. Умеренная концентрация и стабильность						
Ненецкий АО	6304,43	7011,64	11,2	1	1	0
Ханты-Мансийский АО — Югра	5262,11	6226,97	18,3	2	2	0
Ямало-Ненецкий						

АО	4694,24	4919,48	4,8	3	3	0
Группа 3. Умеренное ухудшение (рост концентрации)						
Мурманская область	593,01	802,47	35,3	73	55	18
Кабардино-Балкарская Республика	608,14	757,7	24,6	72	61	11
Приморский край	746,05	891,48	19,50	59	49	10
Группа 4. Резкое ухудшение (рост концентрации)						
г. Санкт-Петербург	586,82	1444,96	146,20	74	19	55
Ивановская область	619,79	1022,67	65,00	69	34	35
Камчатский край	676,75	901,04	33,10	66	46	20

Проведенный анализ динамики индекса Херфиндаля-Хиршмана (ННІ) для двенадцати субъектов Российской Федерации за период с 2018 по 2023 год выявил значительную межрегиональную вариативность как в уровне, так и в траектории изменения концентрации рынка. Республика Калмыкия демонстрирует наиболее выраженную положительную динамику, характеризующуюся сокращением значения ННІ более чем в два раза – с 1167 до 545, что сопровождается снижением ее ранга на 43 позиции. Данная трансформация свидетельствует о глубокой структурной перестройке экономики, выразившейся в снижении доли сельского хозяйства и транспорта при одновременном росте вклада обрабатывающей промышленности и энергетики. Аналогичная, но менее интенсивная тенденция к деконцентрации наблюдается в Омской области и городе Москве, где зафиксировано улучшение ранга на 35 и 27 позиций соответственно. При этом для Москвы сохраняется относительно высокий абсолютный уровень концентрации, постепенно диверсифицирующуюся рыночную структуру, основанную на снижении доли торговли и росте значимости информационного сектора.

В противоположность этому, Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ стабильно сохраняют экстремально высокие уровни ННІ, занимая первые три ранговых места в оба периода наблюдения. Их экономика остается гиперконцентрированной на добыче полезных ископаемых, доля которой достигла 83,7%, 78,8% и 69,4% соответственно в 2023 году, что свидетельствует об устойчивой сырьевой специализации и ограниченной диверсификации. Группа регионов демонстрирует рост концентрации: Мурманская область показывает значительный прирост ННІ, обусловленный резким увеличением доли обрабатывающей промышленности, Кабардино-Балкарская Республика и Приморский край также фиксируют рост индекса, в последнем случае связанный с усилением специализации на транспорте и хранении.

Наиболее аномальную динамику в контексте общих тенденций демонстрирует группа резкого снижения диверсификации экономики. Город Санкт-Петербург выделяется исключительным ростом ННІ почти в 2,5 раза и повышением ранга на 55 позиций, что является следствием гиперконцентрации в сфере торговли (рост доли с 15,6% до 34,2%) и может сигнализировать о кардинальных изменениях в структуре городской экономики. Ивановская область и Камчатский край также показывают резкое увеличение концентрации. В Ивановской области это связано с ростом доли обрабатывающей промышленности, в то время как на Камчатке наблюдается усиление зависимости от добывающего сектора и сельского хозяйства при сокращении обрабатывающих

производств.

Исследование позволяет констатировать глубокую дифференциацию субъектов РФ по характеру динамики рыночной концентрации. В исследуемой выборке представлены модели от абсолютной гиперконцентрации в сырьевых регионах, резкой деконцентрации в аграрных до аномального усиления концентрации в крупных городских центрах. Период 2018-2023 годов для ряда регионов стал фазой значительных структурных сдвигов, нарушивших предшествующее равновесие. Общая картина остается крайне неоднородной, а в отдельных случаях рост концентрации указывает на усиление рисков, связанных с зависимостью от узкого круга отраслей.

2. Критерии устойчивости и типология регионов по характеру адаптации к шокам (2018-2023 гг.)

Оценка устойчивости регионов к новым вызовам требует методологической ясности. Ключевые подходы к определению и количественной оценке устойчивости к внешним шокам описывали в своих работах наши соотечественники [\[10, 11\]](#) и зарубежные эксперты [\[12\]](#). В рамках международного дискурса, сформировавшегося вокруг концепции региональной экономической устойчивости, особую значимость имеет различие ее типов: от способности к простому "возврату" к докризисному состоянию до комплексной адаптивной способности, подразумевающей структурную перестройку и переход к новой, более устойчивой траектории развития – так называемому "прыжку вперед" [\[13\]](#). Также исследователи отмечают, что движущей силой адаптации является взаимопомощь, которая в условиях высокой структурной неопределенности, характерной для России, может давать больший экономический эффект, обеспечивая устойчивость в долгосрочной перспективе [\[14\]](#).

Проблема устойчивости социально-экономических систем к внешним шокам раскрывается в научной литературе через два основных метода, о которых в своей работе пишет Михеева Н.Н. [\[15\]](#). Первый, равновесный подход, представляет устойчивость как способность системы восстановить докризисное состояние после шока. Чем быстрее происходит это возвращение, тем выше считается устойчивость. Более строгая интерпретация предполагает, что устойчивая экономика вообще не отклоняется от равновесия под внешним воздействием. Данная концепция позволяет оценить краткосрочную устойчивость, фиксируя, сохранились или улучшились ключевые показатели региона по сравнению с дошоковым уровнем. Второй подход рассматривает устойчивость как способность системы к адаптации и трансформации. В его рамках устойчивость понимается не как возврат к прошлому состоянию, а как умение региона изменяться в ответ на вызовы, что характеризует его потенциал в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Эмпирическая оценка устойчивости строится на сравнении состояния региона до и после кризиса в заданных временных рамках. Для межрегионального сравнения, как в данном исследовании, необходимо унифицировать точку отсчета, поэтому за начало и конец кризисного периода принимаются моменты, определенные на уровне национальной экономики. Использование годовых, а не квартальных данных, обусловлено как отсутствием квартальных данных по ВРП для регионов, так и асинхронностью прохождения кризиса разными регионами, что осложняет анализ.

В основе разработанной типологии регионов лежит система критериев устойчивости, позволяющая оценить способность региональных экономик противостоять внешним

шокам. В свою очередь, успешная адаптация диверсифицированных регионов (Группа 1) демонстрирует реализацию стратегического укрепления внутренних связей и локального потенциала для смягчения внешних воздействий [16]. Таким образом, устойчивость понимается как комплексная характеристика, включающая три взаимосвязанных аспекта: структурную гибкость, адаптационный потенциал и способность к качественной трансформации.

Ключевым критерием структурной устойчивости выступает интенсивность и направленность изменений индекса Херфндаля-Хиршмана. Наиболее устойчивыми признаются регионы с планомерным снижением ННІ, свидетельствующим о диверсификации экономики. Критическим порогом устойчивости определено снижение индекса более чем на 30% за анализируемый период. Регионы со стабильно высокими значениями ННІ (свыше 1500) классифицируются как структурно уязвимые в силу их зависимости от ограниченного круга отраслей. Данное значение не только качественно отделяет кластер регионов с экстремальной гиперконцентрацией (нефтегазовые автономные округа, ННІ > 4900) от всех прочих субъектов РФ, но и позволяет идентифицировать регионы, демонстрирующие траекторию в сторону моноспециализации (на примере г. Санкт-Петербург). Второй фундаментальный критерий - качество структурных преобразований - оценивает содержательную сторону изменений экономической структуры. Высокий уровень устойчивости демонстрируют регионы, осуществляющие переход к наукоемким производствам и обрабатывающим отраслям с высокой добавленной стоимостью. Напротив, усиление сырьевой специализации или усиленное развитие низкoproизводительных услуг расценивается как признак снижения долгосрочной устойчивости. Третий критерий - синхронность развития отраслевых комплексов - позволяет оценить сбалансированность экономического роста. Устойчивыми признаются регионы, где рост доли отраслей в ВРП сопровождается соответствующим ростом заработной платы и производительности труда.

На основе применения данной системы критериев выделены четыре типа регионов с различным уровнем устойчивости. К группе высокой устойчивости отнесены регионы с прогрессирующей диверсификацией: Республика Калмыкия, Москва и Омская область. Их отличительной особенностью является способность не только сохранять экономическую стабильность, но и формировать новые точки роста в условиях кризиса. Умеренный уровень устойчивости характерен для регионов структурной стагнации - нефтегазовых автономных округов, которые демонстрируют финансовую стабильность, но обладают ограниченным адаптационным потенциалом. Низкий уровень устойчивости присущ регионам умеренной трансформации - Мурманской области, Кабардино-Балкарской Республике и Приморскому краю, где позитивные структурные сдвиги носят фрагментарный характер. Наименее устойчивыми являются регионы рискованной концентрации - Санкт-Петербург, Ивановская область и Камчатский край, где усиление специализации сопровождается нарастанием структурных дисбалансов.

Данная типология, представленная в Таблице 1, позволяет не только диагностировать текущее состояние региональных экономик, но и прогнозировать их реакцию на будущие вызовы, что создает основу для разработки адресных мер государственной поддержки с учетом специфики адаптационного потенциала каждой группы регионов. Особое значение имеет дифференциация подходов к регионам с различным уровнем устойчивости: от стимулирования органического роста в наиболее устойчивых регионах до реализации программ структурной перестройки в наименее устойчивых.

3. Сравнительный анализ адаптационных траекторий ключевых регионов

Проблема трансформации экономической структуры регионов находится в центре внимания региональных исследований. Особый научный и практический интерес при этом вызывает вопрос о том, каким образом уровень исходной концентрации хозяйственной деятельности влияет на направленность, скорость и результаты структурных изменений. Данный раздел направлен на выявление специфических факторов и дальнейших траекторий развития.

Группа 1. Субъекты Российской Федерации с резким уменьшением концентрации и признаками структурного сдвига

К данной группе отнесены субъекты, где сбалансированная структура экономики, опирающаяся на несколько значимых отраслей, позволила не только противостоять кризисным явлениям, но и извлекать из них стратегические преимущества, демонстрируя признаки положительного структурного сдвига. Для этих регионов характерно резкое снижение индекса НИ (Херфиндаля-Хиршмана) в посткризисный период, что свидетельствует о значительной диверсификации и снижении зависимости от единственной доминирующей отрасли. Все значения НИ, приведенных ниже субъектов РФ, отражены в Таблице 2.

Таблица 2. Динамика НИ субъектов РФ с резким уменьшением концентрации и признаками структурного сдвига

Субъект РФ	НИ	
	2018	2023
Республика Калмыкия	1167,04	545,95
Омская область	1340,3	766,82
г. Москва	1042,24	694,04

В рассматриваемый период Республика Калмыкия продемонстрировала наиболее выраженную положительную динамику диверсификации экономической структуры среди субъектов Российской Федерации, что выражается в кардинальном снижении индекса Херфиндаля-Хиршмана с 1167 до 545 пунктов при одновременном улучшении рангового показателя на 43 позиции. Проведенный анализ позволяет утверждать, что данная трансформация носит структурный характер и обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов. Наблюдается значительное ослабление зависимости региональной экономики от традиционно доминировавших секторов: доля сельского хозяйства сократилась с 22,2% до 12,5%, а удельный вес транспорта и хранения уменьшился с 25,4% до 17,5%. Качественные изменения в структуре экономики проявились в пятикратном росте доли обрабатывающих производств - с 0,6% до 3,1%, что стало возможным благодаря реализации инвестиционных проектов, включая создание промышленного парка "Калмыкия", а также активному использованию мер государственной поддержки в рамках национального проекта "Производительность труда". Значительный импульс развития получил энергетический сектор, продемонстрировавший четырёхкратный рост - с 0,9% до 3,7%, что непосредственно связано с реализацией программы развития возобновляемой энергетики, включающей ввод в эксплуатацию Калмыцкой ВЭС и Улан-Хольской ВЭС. Полученные результаты свидетельствуют о переходе от аграрно-транспортной модели с признаками моноспециализации к диверсифицированной экономической системе, характеризующейся формированием новых точек роста в промышленном и технологическом сегментах. Следует отметить, что данная

трансформация соответствует целям, заложенным в стратегических документах региона, таким как "Стратегия социально-экономического развития Республики Калмыкия до 2030 года", направленная на развитие перерабатывающих производств и несырьевого экспорта. Указанные структурные сдвиги являются следствием реализации целенаправленной региональной политики, ориентированной на стимулирование несырьевого экспорта. Соответственно, наши выводы совпадают с мнением отечественного исследователя о положительном влиянии мер государственной поддержки в данном секторе [17]. Отметим, что привлечение инвестиций в обрабатывающие производства и развитие инфраструктуры оказали важное влияние, что в совокупности создало институциональные и производственные предпосылки для долгосрочного устойчивого роста и повышения устойчивости экономики региона к внешним шокам.

К данной группе субъектов можно отнести Омскую область, где индекс Херфиндаля-Хиршмана снизился с 1340 до 766 пункта. За этим статистическим улучшением скрывается результат планомерной региональной политики, направленной на снижение исторической зависимости от обрабатывающей промышленности, в частности, от градообразующего предприятия ПАО «ОНПЗ» (входящего в «Газпром нефть»). Ключевым драйвером трансформации стало целенаправленное сокращение доли обрабатывающих производств с 33,3% до 22,3%. Оно было достигнуто не за счет сворачивания мощностей, а путем диверсификации инвестиций. В то же время развитие аграрного комплекса региона характеризуется диспропорцией: государственная поддержка обеспечивает рост в животноводстве, однако общую картину омрачает снижение инвестиционной активности и рентабельности хозяйств [18]. Эти процессы протекают в русле задач, обозначенных в "Стратегии социально-экономического развития Омской области", акцентирующей внимание на диверсификации промышленного комплекса и развитии транспортно-логистического потенциала. Важно отметить, что с 2018 по 2023 годы в субъекте произошло расширение торговых сетей, а также возросла обеспеченность жителей торговыми площадями. Закономерно это привело к устойчивому росту удельного веса торговли оптовой и розничной с 10,6% до 12,1%. В свою очередь он способствовал развитию региональных логистических центров и роста потребительского спроса. За счет всех факторов сектор транспортировки и хранения также увеличил долю с 6,6% до 8,5%. Параллельно отмечается сохранение значительного потенциала обрабатывающей промышленности, которая, несмотря на снижение своей доли, остается ключевым элементом экономики региона благодаря проведенной модернизации НПЗ («ОНПЗ» прошел глубокую переработку), развитию нефтехимического кластера и пищевой промышленности, что указывает на устойчивость высокотехнологичного промышленного сектора.

К данной группе субъектов можно отнести Москву, где индекс Херфиндаля-Хиршмана снизился с 1042,24 до 694,04 пункта, что формально указывает на рост диверсификации. Однако за этим статистическим улучшением скрывается не расширение спектра отраслей, а целенаправленная перестройка экономики, инициированная в рамках политики создания международного финансово-технологического центра. Ключевым драйвером стало стратегическое перераспределение ресурсов, поддержанное такими инструментами, как "Инвестиционная политика города Москвы до 2025 года" и создание особых экономических зон, например, "Технополис Москва". Наиболее значительное изменение — целенаправленное сокращение доли потребительско-логистического комплекса, в частности, доли торговли оптовой и розничной с 26,5% до 18,9%, что объясняется не только ростом онлайн-торговли, но и перенаправлением инвестиций в более наукоемкие сегменты, определяющие долгосрочную конкурентоспособность. Был

отмечен резкий рост доли деятельности в области информации и связи с 6,2% до 10,9%. Также напрямую способствовали меры по развитию IT-кластеров (в Москве базируется около 70% всех IT-компаний страны), созданию технопарков, реализации программы "Цифровая Москва" и привлечению высококвалифицированных кадров через систему грантов и льготного кредитования, что окончательно укрепило позиции города как ведущего телеком- и IT-хаба России. Также укрепил свои позиции сектор транспортировки и хранения, увеличивший долю с 6,5% до 8,0%, что является прямым следствием роста логистической значимости столицы в новых экономических условиях. При этом сохраняется значительный, хотя и сократившийся, вклад обрабатывающих производств с 15,8% до 12,1%. Динамика указывает на устойчивость высокотехнологичного промышленного ядра, сконцентрированного в таких сегментах, как авиастроение, фармацевтика, электроника и приборостроение, которые сохранили конкурентоспособность благодаря государственно-частному партнерству, импортозамещению и ориентации на инновации. Наша оценка успешной постиндустриальной трансформации Москвы согласуется с выводами о высокой шокоустойчивости крупнейших агломераций, где размер и разнообразие внутреннего рынка, а также активность малого и среднего бизнеса позволили быстро адаптироваться к шоку [19]. В своем труде Маршова Т.Н. пишет о том, что промышленность Москвы должна развиваться в сторону высокотехнологичных и экологичных производств [20]. Таким образом, способность экономики Москвы осуществить глубокую структурную трансформацию подтверждает ее качественную диверсификацию и обеспечивает повышенную устойчивость к глобальным экономическим колебаниям.

Группа 2. Субъекты Российской Федерации с умеренной концентрацией и стабильной экономикой

Анализ динамики экономической структуры нефтегазовых автономных округов - Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого - в период 2018-2023 гг. позволяет выявить устойчивую модель структурной стагнации, характеризующуюся сохранением экстремально высокой концентрации вокруг добывающего сектора. Количественная оценка изменений концентрации в этой группе представлена в Таблице 3.

Таблица 3. Динамика НИИ субъектов РФ с умеренной концентрацией и стабильной экономикой

Субъект РФ	НИИ	
	2018	2023
Ненецкий автономный округ	6304,43	7011,64
Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	5262,11	6226,97
Ямало-Ненецкий автономный округ	4694,24	4919,48

Несмотря на незначительные внутренние колебания, все три региона сохранили свои ранговые позиции, занимая первые три места по уровню концентрации экономики на протяжении анализируемого периода. Важно отметить, что согласно докладу ЦЭМИ РАН, российская экономика сталкивается с комплексом глубоких структурных проблем, коренящихся в её сырьевой ориентации. Исследователи выяснили, что структурные дисбалансы носят системный характер и требуют коренной смены экономического курса в рамках комплексного государственного стратегического планирования, нацеленного

на диверсификацию, технологическое обновление и переход от сырьевой к инновационной модели развития [\[21\]](#).

Наиболее выраженная гиперспециализация наблюдается в Ненецком автономном округе, где доля добычи полезных ископаемых увеличилась с 79,2% до 83,7%. Основной вклад в этот рост внесла деятельность ПАО «Лукойл» через свое дочернее предприятие «Лукойл-Коми», которое обеспечивает разработку Южно-Хыльчуюского и других месторождений. Параллельно произошло сокращение удельного веса практически всех других секторов: транспортировка и хранение уменьшились с 5,5% до 2,2%, а сельское хозяйство - с 0,7% до 0,3%, что связано со свертыванием деятельности предприятий.

Ханты-Мансийский автономный округ демонстрирует аналогичную тенденцию увеличения зависимости от добывающего сектора - с 72,3% до 78,8%. Ключевую роль здесь играют ПАО «НК «Роснефть» и ПАО «Сургутнефтегаз», которые обеспечивают основную долю добычи нефти. При этом произошло сокращение доли обрабатывающих производств с 1,9% до 1,3%, что связано с закрытием нескольких цехов «Сургутского завода по стабилизации конденсата», и энергетики с 2,1% до 1,4% вследствие недостаточного развития альтернативной энергетики.

Особый случай представляет Ямalo-Ненецкий автономный округ, где на фоне общего роста доли добычи с 68,1% до 69,4% отмечается значительное увеличение обрабатывающих производств с 5,6% до 9,6%. Данная динамика объясняется реализацией ПАО «НОВАТЭК» масштабного проекта «Ямал СПГ» и строительством завода по сжижению природного газа в рамках «Арктик СПГ-2».

Анализ выявил комплекс системных барьеров, препятствующих диверсификации экономики нефтегазовых регионов. Ключевыми сдерживающими факторами выступают доминирующее положение ведущих нефтегазовых корпораций, концентрация финансовых потоков в сырьевом секторе, отсутствие действенных стимулов для развития альтернативных отраслей. В своем труде Симонов К.В. и Буряченко А.О. рассматривают такие предпосылки для диверсификации нефтегазовых компаний как наличие банка для финансового проекта обслуживания, получение государственной поддержки, привлечение высококвалифицированных управленцев [\[22\]](#). Кроме того, для привлечения инвестиций регионам необходимо развивать экологическую ответственность. Это является признаком технологически зрелых предприятий и создает благоприятный инвестиционный климат для развития субъектов в будущем [\[23\]](#).

В этой связи представляется необходимым разработка и реализация комплекса адресных мер государственного регулирования, нацеленных на преодоление структурной стагнации. Перспективными направлениями такой политики могут стать создание специальных экономических зон с льготными условиями для несырьевых предприятий, реализация инфраструктурных проектов, способствующих диверсификации, и формирование благоприятных институциональных условий для привлечения инвестиций в обрабатывающие производства и сектор услуг. Только комплексный подход позволит создать условия для формирования в нефтегазовых регионах сбалансированной и устойчивой экономической системы.

Группа 3. Субъекты Российской Федерации с умеренной динамикой концентрации экономики

В отличие от полярных траекторий первых двух групп, регионы третьей группы

демонстрируют более сложную динамику. Их путь – не радикальная перестройка или структурная стагнация, а целенаправленная переориентация на одну ключевую "новую" специализацию, что закономерно ведет к росту концентрации. Анализ Таблицы 4 позволяет сопоставить разные модели такого перехода: от реиндустриализации до логистической гиперспециализации.

Таблица 4. Динамика ННІ субъектов с умеренной динамикой концентрации экономики

Субъект РФ	ННІ	
	2018	2023
Мурманская область	593,01	802,47
Кабардино-Балкарская Республика	608,14	757,7
Приморский край	746,05	891,48

Анализ структурной динамики экономики Мурманской области в период 2018–2023 гг. демонстрирует модель реиндустриализации, сопровождающуюся усилением концентрации. Как видно из Таблицы 4, это привело к значительному росту ННІ (+35,3%). Данная тенденция обусловлена кардинальной перестройкой отраслевой структуры, выразившейся в усилении роли обрабатывающих производств, доля которых в валовой добавленной стоимости увеличилась более чем вдвое – с 10,6% до 22,3%. Ключевым фактором трансформации стало масштабное развитие металлургического комплекса, в частности, реализация инвестиционных проектов ПАО "Кольская горно-металлургическая компания" по модернизации производственных мощностей и увеличению выпуска никеля, меди и кобальта. Одновременно наблюдалось сокращение удельного веса традиционных для региона секторов: сельского хозяйства (с 13,4% до 7,9%), торговли (с 8,2% до 6,0%) и добычи полезных ископаемых (с 11,2% до 10,3%). Подобная структурная трансформация свидетельствует о целенаправленной переориентации экономики с сырьевой составляющей и аграрного сектора на перерабатывающие производства. Важно отметить, что рост концентрации в данном случае не является признаком стагнации, а отражает процесс активного формирования нового промышленного ядра региона на базе модернизированных металлургических предприятий и создаваемых производств по выпуску продукции с высокой добавленной стоимостью. Однако с точки зрения устойчивости экономики усиление зависимости от одного сектора – даже высокотехнологичного обрабатывающего – создает новые риски, связанные с цикличностью промышленного производства. В будущем, закрепления позитивных структурных сдвигов и минимизации сопутствующих им рисков, необходима комплексная региональная стратегия, компенсирующая эффект концентрации через поддержку малого предпринимательства и развитие смежных производств.

Экономика Кабардино-Балкарской Республики в период 2018–2023 гг., также показавшая рост концентрации (+24,6%), проявляет модель умеренной аграрной зависимости. Основным драйвером тенденции стало усиление аграрной специализации: доля сельского хозяйства возросла с 17,3% до 19,7%, что было обеспечено за счет расширения деятельности таких крупных агрохолдингов, как АПХ "Мираторг", увеличившего поголовье крупного рогатого скота в республике, и агрофирмы "Нальчикский", нараставшей производство плодовоощной продукции. Параллельно наблюдалось сокращение удельного веса обрабатывающих производств с 8,8% до 7,1%, что связано с закрытием ряда цехов на предприятии "Каббалгидроагрегат" и снижением объемов производства на "Нальчинском заводе полупроводниковых приборов". Сектор

энергетики также сократился с 3,3% до 1,9% вследствие недостаточного обновления генерирующих мощностей АО "Каббалкэнерго" и износа распределительных сетей. Данная модель, с одной стороны, позволяет использовать естественные конкурентные преимущества региона, но с другой – ограничивает потенциал долгосрочного роста и повышает уязвимость экономики к природно-климатическим рискам и колебаниям аграрных рынков. Сложившаяся динамика указывает на необходимость активизации политики диверсификации, направленной на развитие перерабатывающих производств агропромышленного комплекса на базе создаваемого индустриального парка "Агроиндустрия" и стимулирование роста несырьевых секторов экономики через реализацию инвестиционных проектов в сфере туризма и IT-технологий.

Ключевым фактором развития экономики Приморского края в 2018-2023 годы стало усиление роли транспортно-логистического комплекса: доля раздела "Транспортировка и хранение" возросла с 18,5% до 22,9%. Этот рост был обеспечен масштабным расширением логистических мощностей Транспортной группы "ФЕСКО", а также значительный вклад внесла реализация проекта "Супер-порт" в бухте Суходол, что позволило этому сектору стать новым доминирующим элементом в экономической структуре региона. Параллельно наблюдалось сокращение удельного веса обрабатывающих производств (с 8,0% до 6,5%), что связано с закрытием сборочного производства ПАО "Соллерс" во Владивостоке и снижением объемов судоремонта на "Дальзаводе". Добыча полезных ископаемых также сократилась (с 1,1% до 0,6%) из-за истощения запасов месторождений олова ГК "Русолово" и вольфрама АО "Приморский ГОК". Сектор торговли сохранил стабильно высокие позиции (16,6% в 2018 г. и 16,3% в 2023 г.), что обусловлено деятельностью Свободного порта Владивосток и расширением сети таможенных складов АО "Владивостокский торговый порт", выполняя роль важного, но не доминирующего элемента экономики. Таким образом, структурная перестройка экономики Приморского края развивалась в направлении усиления транспортно-логистической специализации, что, с одной стороны, соответствует его геоэкономическому положению, но с другой – создает риски чрезмерной зависимости от конъюнктуры транспортных потоков и международной торговли. Данная траектория является региональным отражением общемирового тренда на регионализацию цепочек создания стоимости и переориентацию логистических потоков в условиях деглобализации [24]. Сложившаяся модель развития требует сбалансированной экономической политики, направленной на стимулирование обрабатывающих производств через создание промышленных парков при портах и развитие высокотехнологичных секторов для обеспечения устойчивого роста в долгосрочной перспективе.

Группа 4. Субъекты Российской Федерации с резким увеличением концентрации экономики

Регионы данной группы продемонстрировали резкий рост концентрации. Данные Таблицы 5 показывают не плавную адаптацию, а кардинальную и быструю перестройку экономики вокруг одного-двух секторов, что несет высокие риски структурных диспропорций.

Таблица 5. Динамика ННI субъектов РФ с резким увеличением концентрации экономики

Субъект РФ	ННI	
	2018	2023
г. Санкт-Петербург	586,82	1444,96

ивановская область	619,79	1022,67
Камчатский край	676,75	901,04

По результатам исследования было выявлено, что ключевым фактором структурной трансформации Санкт-Петербурга выступила прогрессирующее значение торгового сектора, доля которого в валовой добавленной стоимости увеличилась с 15,6% до 34,2%. Данный тренд был вызван экспансиею федеральных торговых сетей, включая открытие гипермаркетов "Лента", супермаркетов "Перекрёсток" и создание торговово-развлекательных комплексов под управлением "Группы ЛСР". Существенный вклад обеспечила цифровизация розничной торговли через развитие OZON и Wildberries в промышленной зоне "Шушары". Параллельно наблюдалось сокращение стратегически значимых секторов: доля обрабатывающих производств снизилась с 14,9% до 13,5% вследствие реструктуризации "Завода имени Климова" и консервации мощностей "Ижорских заводов". При этом, как пишут отечественные исследователи пишут о том, что в обрабатывающих производствах Санкт-Петербурга лидерами роста стали: компьютеры и электроника, машиностроение и электрооборудование, что свидетельствует о переходе к высокотехнологичной экономике [25]. Сектор транспортировки и хранения уменьшился с 9,5% до 8,4% несмотря на рост грузооборота морского порта, а сектор информации и связи сократился с 5,1% до 4,5% в результате миграции IT-специалистов ведущих компаний в московский регион. Сформировавшаяся структурная конфигурация соответствует теоретической модели "голландской болезни" в региональном измерении, когда доминирование одного сектора затормаживает развитие других отраслей. Данный случай наглядно иллюстрирует концепцию "контртрансформации" или реверсной структурной перестройки, когда шоковое воздействие ведет не к переходу к более производительным видам деятельности, а к гиперспециализации в секторах, рост которых обусловлен текущей конъюнктурой (торговля), при параллельном сокращении стратегически значимых высокотехнологичных сегментов [26]. Для экономики мегаполиса подобная структурная деформация создает потенциальные риски, включая ограничение инновационного потенциала и конкурентных преимуществ в высокотехнологичных сегментах.

Региональная экономика Ивановской области в рассматриваемый период характеризуется резким усилением роли обрабатывающих производств, доля которых в валовой добавленной стоимости возросла с 16,8% до 26,8%. Ключевую роль в этом процессе сыграла реализация программ импортозамещения в текстильной промышленности: "Родники-Текстиль" освоила выпуск технических тканей для нужд оборонно-промышленного комплекса. Значительный вклад внесло и развитие машиностроительного кластера - "Ивановский завод тяжелого станкостроения" увеличил выпуск продукции на 40% благодаря госзаказу на оборудование для перерабатывающих производств. Параллельно наблюдалось относительное сокращение доли других значимых секторов: транспортировки и хранения (с 5,9% до 4,9%) в связи с оптимизацией логистических потоков ООО "Грузтранс Иваново"; информации и связи (с 2,6% до 2,2%) из-за оттока IT-специалистов в соседние регионы. При этом аграрный сектор сохранил стабильные позиции (3,3% в 2018 г. и 3,6% в 2023 г.). Сформировавшаяся структурная динамика отражает результаты целенаправленной политики реиндустрIALIZации, реализуемой в рамках региональной программы "Развитие промышленности Ивановской области", которая предусматривала предоставление налоговых льгот предприятиям, обновляющим производственные фонды.

Особенностью структурной трансформации Камчатского края стало синхронное усиление

двух традиционных секторов. Доля добывающей промышленности возросла с 5,1% до 9,4% благодаря вводу в эксплуатацию новых месторождений золота. Доля сельского хозяйства выросла с 20,8% до 27,1% за счет масштабного развития аквакультуры - увеличения производства лососевых видов рыб на 45% предприятиями, а также расширения оленеводческих хозяйств в Быстриńskом районе. Параллельно наблюдалось резкое сокращение доли обрабатывающих производств более чем втрое – с 11,8% до 4,3%, что связано с закрытием рыбоперерабатывающих заводов из-за переноса переработки в Приморский край. Данная структурная динамика свидетельствует о консервации сырьевой ориентации экономики при одновременной деиндустриализации перерабатывающего сектора. Усиление аграрной составляющей связано с реализацией программ развития сельского хозяйства в условиях Дальневосточного федерального округа, включая субсидирование приобретения техники для оленеводческих хозяйств и поддержку предприятий аквакультуры через Фонд развития Дальнего Востока.

Проведенный анализ позволяет констатировать глубокую дифференциацию субъектов РФ по характеру динамики рыночной концентрации. В исследуемой выборке представлены модели от устойчивой стагнации на высоком уровне (нефтегазовые автономные округа) и умеренного роста концентрации (Мурманская область, Кабардино-Балкарская Республика, Приморский край) до выраженной тенденции к деконцентрации (Республика Калмыкия, Омская область, Москва) и резкого усиления специализации (Санкт-Петербург, Ивановская область, Камчатский край). Общий тренд для большинства регионов в выборке к 2023 году указывает на слабую тенденцию к снижению уровня концентрации по сравнению с базовым 2018 годом, что может быть индикатором постепенного развития конкурентной среды на региональных рынках.

Заключение

На основе проведенного анализа подтверждается ключевая гипотеза о неоднородном и разнонаправленном воздействии глобальных шоков на экономики субъектов Российской Федерации. Анализ динамики индекса Херфиндаля-Хиршмана (НHI) и отраслевой структуры ВРП за период 2018–2023 годов позволил выявить системные закономерности адаптации и классифицировать регионы на четыре типологические группы с принципиально разными траекториями развития.

Субъекты РФ с резким уменьшением концентрации и признаками структурного сдвига (Республика Калмыкия, Омская область, Москва) продемонстрировали наиболее успешную адаптацию. В Республике Калмыкия кардинальное снижение НHI с 1167 до 545 пунктов сопровождалось переходом от аграрно-транспортной модели к диверсифицированной экономике за счет пятикратного роста обрабатывающих производств и развития возобновляемой энергетики. В Омской области снижение НHI с 1340 до 766 было достигнуто через планомерное сокращение зависимости от обрабатывающей промышленности при развитии торговли и логистики. Москва показала качественную структурную перестройку со снижением НHI с 1042 до 694 за счет перераспределения ресурсов из торгового сектора в IT и связь, доля которых выросла с 6,2% до 10,9%.

Субъекты РФ с высокой концентрацией и стабильной экономикой (нефтегазовые автономные округа) подтвердили уязвимость сырьевой модели. Ненецкий, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО сохранили экстремально высокую концентрацию вокруг добывающего сектора (доля достигла 83,7%, 78,8% и 69,4% соответственно), что свидетельствует о структурной стагнации и наличии системных барьеров для диверсификации.

Субъекты с умеренной динамикой концентрации (Мурманская область, Кабардино-Балкарская Республика, Приморский край) показали разнонаправленные траектории. Мурманская область демонстрирует модель реиндустриализации с ростом доли обрабатывающих производств более чем вдвое, Кабардино-Балкария — усиление аграрной специализации, а Приморский край — транспортно-логистическую специализацию с ростом доли сектора до 22,9%.

Субъекты с резким увеличением концентрации (Санкт-Петербург, Ивановская область, Камчатский край) выявили риски гиперспециализации. В Санкт-Петербурге рост доли торговли до 34,2% соответствует модели "голландской болезни", в Ивановской области концентрация на обрабатывающей промышленности (рост до 26,8%) является результатом реиндустриализации, а на Камчатке усиление сырьевой и аграрной зависимости сопровождается деиндустриализацией перерабатывающего сектора.

Библиография

1. Веденин А.Л., Ерёмин В.А., Тузов К.А. Высокие риски и низкие темпы экономического роста: макроэкономический прогноз для России на среднесрочную перспективу // Вопросы экономики. 2024. № 2. С. 5-22. DOI: 10.32609/0042-8736-2024-2-5-22. EDN: CQGLKO.
2. Parshukov D.V., Sharopatova A.V., Abdulragimov I.A. Statistical analysis of structural shifts in the income of agricultural organisations under the influence of external shocks in 2019–2024 // Russian Research Journal. 2025. No. 9 (159). P. 1-15. DOI: 10.60797/IRJ.2025.159.64. EDN: HFCZQR.
3. Земцов С.П., Волошинская А.А. Устойчивость к шокам экономик регионов России в условиях санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3(64). С. 54-83. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_54-83. EDN: RXIDCD.
4. Зубаревич Н.В. Влияние санкций на развитие регионов России в 2022–2024 годах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 1 (66). С. 274-281. DOI: 10.31737/22212264_2025_1_274-281. EDN: SUZWOO.
5. Holland S. Capital, labour and the regions: Aspects of economic, social and political inequality in regional theory and policy // Spatial inequalities and regional development / Ed. by H. Folmer, J. Oosterhaven. Dordrecht: Springer, 1979. DOI: 10.1007/978-94-017-3046-4_8.
6. Драпкин И.М., Мариев О.С., Семенова Е.О., Колягина А.И. Факторы пространственного размещения фирм в российской экономике: региональный аспект // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2016. Т. 15. № 5. С. 717-733. DOI: 10.15826/vestnik.2016.15.5.036. EDN: WXCAWF.
7. Сазанова С.Л., Рогожин С.П. Проблемы российской экономики в 2023–2024 гг.: ловушка догоняющего развития, параллельный импорт, распределение национального дохода и развитие конкуренции // Путеводитель предпринимателя. 2024. Т. 17. № 4. С. 118-124. DOI: 10.24182/2073-9885-2024-17-4-118-124. EDN: FXZLAW.
8. Малкина М.Ю., Балакин Р.В. Тенденции развития российской экономики в период новых антироссийских санкций // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 18. № 2. С. 287-313. DOI: 10.21202/2782-2923.2023.2.287-313.
9. Lukin E.V., Leonidova E.A., Shirokova E.V., Rumyantsev N.S., Sidorov M.V. Russian economy under sanctions (Case of the northwest of Russia) // National Accounting Review. 2023. Vol. 5. No. 2. P. 145-158. DOI: 10.3934/NAR.2023009. EDN: JHTEBQ.
10. Данилова И.В., Богданова О.А., Телюбаева А.Ж. Влияние внешних институциональных шоков на дифференциацию экономического пространства РФ // Вестник ЮУрГУ. Серия "Экономика и менеджмент". 2019. Т. 13. № 3. С. 23-32. DOI:

- 10.14529/em190303. EDN: ZHPFKH.
11. Шоломицкая Е.В. Влияние ключевых макроэкономических шоков на инвестиции в России // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 1. С. 89-113. EDN: YMIQSL.
12. Boschma R. Towards an Evolutionary Perspective on Regional Resilience // Regional Studies. 2015. Vol. 49. No. 5. Pp. 733-751. DOI: 10.1080/00343404.2014.959481.
13. Martin R., Sunley P. On the Notion of Regional Economic Resilience: Conceptualisation and Explanation // Journal of Economic Geography. 2015. Vol. 15. No. 1. P. 1-42. DOI: 10.1093/jeg/lbu015.
14. Сазанова С.Л., Мокий М.С. Взаимопомощь и конкуренция как движущие силы экономического развития // Экономическая наука современной России. 2023. № 2. С. 7-17. DOI: 10.33293/1609-1442-2023-2(101)-7-17. EDN: DEVDWU.
15. Михеева Н.Н. Устойчивость экономики российских регионов к внешним шокам: оценка на основе оперативной информации // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2023. № 1. С. 151-174. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-151-174. EDN: MOFVRL.
16. Stöhr W., Tödtling F. Spatial equity: Some anti-theses to current regional development doctrine // Spatial inequalities and regional development / Ed. by H. Folmer, J. Oosterhaven. Dordrecht: Springer, 1979. DOI: 10.1007/978-94-017-3046-4_6.
17. Кузык М.Г., Симачев Ю.В. Стратегии адаптации российских компаний к санкциям 2022 года // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 60(3). С. 172-180. DOI: 10.31737/22212264_2023_3_172-180. EDN: SPDHBN.
18. Крюкова О.Н., Шумакова О.В. Многоукладная аграрная экономика как флагман развития Омской области. Точки роста и механизмы управления // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2023. Т. 18. № 1. С. 200-211. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.1.19.
19. Земцов С.П., Волошинская А.А. Устойчивость к шокам экономик регионов России в условиях санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3 (64). С. 54-83. DOI: 10.31737/22212264_2024_3_54-83. EDN: RXIDCD.
20. Маршова Т.Н. Проблемы и перспективы развития промышленности Москвы // Регион: экономика и социология. 2021. № 4. С. 97-131. DOI: 10.15372/REG20210404. EDN: MFPNNI.
21. Основные направления социально-экономического развития России: обоснование и оценки последствий: (по итогам модельных исследований ЦЭМИ РАН) / [Афанасьев М.Ю., Бодрунов С.Д., Дементьев В.Е. и др.]; Центральный экономико-математический институт Российской академии наук. Москва: ЦЭМИ, 2023. 114 с. ISBN 978-5-8211-0818-0.
22. Симонов К.В., Буряченко А.О. Концепция многовекторной диверсификации российской нефтегазовой компании: предпосылки, направления, возможности // Управленческие науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 20-35. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-4-20-35.
23. Krasnoselskaya D.V., Timiryanova V.F. Exploring the impact of ecological dimension on municipal investment: empirical evidence from Russia // National Accounting Review. 2023. Vol. 5. No. 3. P. 227-244. DOI: 10.3934/NAR.2023014.
24. Толкачев С.А., Гвоздева В.А. Глобальные цепочки стоимости в эпоху технологической трансформации и деглобализации // Проблемы рыночной экономики. 2023. № 2. С. 140-155. DOI: 10.33051/2500-2325-2023-2-140-155. EDN: UQMFOZ.
25. Ворона-Сливинская Л.Г., Янковская Е.С. Тренды развития ключевых отраслей экономики Санкт-Петербурга: статистический анализ, методические проблемы, нормативно-правовая база управления // Аграрное и земельное право. 2024. № 4 (232). С. 42-46. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_4_42.
26. Буклемишев О.В. "Структурная трансформация" российской экономики и

экономическая политика // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4 (199). С. 42-53. DOI: 10.47711/0868-6351-199-42-53. EDN: TLAITD.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами Национального Института Научного Рецензирования по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленное исследование раскрыто в весьма актуальном ключе развития регионов в России в условиях современных геополитических противостояний, разнородных экономических процессов в пределах территорий. Большую роль в определении приоритетов для региональной экономики играют ресурсные возможности, отраслевая структура хозяйства и подходы к ее оценке. Этим важным вопросам посвящено представленное исследование.

Во введении автор раскрывает содержание предмета исследования, цели и задач, его методологической основы. Оно относительно обширное, но в целом, выполнено по требованиям.

Материалы включают табличную интерпретацию расчетов, наполнены выводами по результатам проведенных расчетов. Проведен анализ соотношения аграрного и промышленного секторов регионов, выявлены основные предприятия регионов, вносящие основной вклад в создаваемый продукт. Преимуществом исследования является актуальность данных, которые использованы для расчета рекомендованного индекса. Представленная типология субъектов Российской Федерации обоснована, опирается на расчеты, может быть применима при выработке региональной экономической политики. Она представляет собой главный элемент новизны исследования.

Подчеркнем насыщенность работы методиками, получившими внимание автора и оценку применимости для уровня региональной экономики.

Статья отличается теоретической значимостью. Также ей присуща практическая ценность, поскольку включает анализ структуры экономики разных регионов в современных условиях. Полученные выводы создают описание региональной динамики, понимание достигнутых пропорций и проблем.

Статья имеет логичную структуру, заголовки выделены и имеют названия. Материал изложен в научном стиле, представляет собой исследование, имеющее выводы и предложения. Содержание коррелирует с подзаголовками смысловых частей исследования.

Библиография включает источники на русском и иностранном языках, однако, ее следует несколько расширить. Автор учитывает мнение других исследователей, ссылаясь на их труды.

К статье могут быть даны следующие замечания:

- статью не следует завершать описанием новизны и практической значимости тем более, что блок новизны уже раскрыт во Введении;
- автору следует расширить список источников до рекомендуемых 25 позиций;
- по тексту статьи нет упоминания табл. 1, табл. 2 и всех последующих. Расположение таблицы следует предварять ее упоминанием;
- автор не упоминает по тексту ни одного документа какого-либо субъекта Российской Федерации, в котором были бы представлены направления промышленного и территориального развития. Возникает вопрос: что предлагают уполномоченные органы

власти для рассмотренных регионов?

- очевидно, что автор привлекал для исследования статистические данные, данные о предприятиях, но не указал их источники.

Исследование, безусловно, представляет интерес для научного сообщества, экспертов по вопросам региональной экономики, управления отраслями и их комплексами и может быть рекомендовано к публикации после устранения замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье являются происходящие под влиянием внешних шоков (2018-2023 гг.) структурные изменения региональных экономических систем и возможности их адаптации к современным реалиям.

Методология исследования базируется на изучении подходов к анализу индексов концентрации с применением различных показателей (коэффициент Джини, индекс Тейла, индекс Элисона-Глэйзера), выборе наиболее подходящего инструмента для оценки диверсификации региональных экономик и оценке динамики экономической концентрации с использованием индекса Херфиндаля-Хиршмана (HHI).

Актуальность работы авторы связывают с необходимостью оценки устойчивости различных моделей региональной экономики к глобальным потрясениям, выявления успешных стратегий адаптации, которые могут быть применены в других регионах, а также с необходимостью изучения глубинных структурных сдвигов в различных регионах нашей страны.

Научная новизна работы, заключается в разработке оригинальной типологии региональных экономик России на основе комплексного анализа динамики индекса Херфиндаля-Хиршмана и отраслевых сдвигов в период внешних шоков, подтверждении гипотезы о неоднородном воздействии глобальных шоков на регионы с различной исходной специализацией.

Структурно в тексте публикации выделены следующие разделы: «Введение», «Методологические основы исследования региональной экономической устойчивости в условиях внешних шоков», «Критерии устойчивости и типология регионов по характеру адаптации к шокам (2018-2023 гг.)», «Сравнительный анализ адаптационных траекторий ключевых регионов», «Заключение» и «Библиография».

В статье изучена динамика HHI субъектов РФ, регионы разделены на четыре группы по характеру динамики индекса Херфиндаля-Хиршмана и особенностям адаптации региональных экономик: 1) регионы с резким уменьшением концентрации и признаками структурного сдвига (например, Республика Калмыкия, Омская область, Москва); 2) с высокой концентрацией и стабильной экономикой (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа); 3) с умеренной динамикой концентрации экономики (Мурманская область, Кабардино-Балкарская Республика, Приморский край); 4) с резким увеличением концентрации экономики (Санкт-Петербург, Ивановская область, Камчатский край). Отмечено, что Республика Калмыкия, Омская область, Москва продемонстрировали наиболее успешную адаптацию; нефтегазовые автономные округа

сохранили сырьевую модель экономики; в Санкт-Петербурге, Ивановской области и Камчатском крае выявлены риски гиперспециализации.

Библиографический список включает 26 источников: научные публикации отечественных и зарубежных авторов в периодических журналах на русском и иностранных языках. В тексте к публикациям имеются адресные ссылки, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из замечаний стоит отметить, что из исследуемого периода 2018-2023 гг. анализируются данные только за крайние годы периода (2018 и 2023), а изменения внутри указанного диапазона почему-то не рассматриваются – представляется, что устранение этого недостатка может быть выполнено с применением методов визуализации.

Тема статьи актуальна, соответствует тематике журнала «Теоретическая и прикладная экономика «Финансы и управление», содержит результаты обработки эмпирических данных, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к публикации.